

Цепь у основания шеи неприятно впивалась в чешую. Дракон раздражённо дёрнул её, недоумевая, зачем вообще понадобилось заковывать его — он ведь даже не сопротивлялся, просто пытался улететь. Впрочем, нет. Дело не в побеге, а в той истории с деревней. После всего произошедшего за последние недели те события ощущались далёкими, словно случились в другой жизни.

Ошибка. Непростительная ошибка — вот чем было нападение на деревню. Будучи драконом, можно позволить себе многое, но нападать на людей... это переходило все границы. Как они могли проигнорировать подобное? Особенно учитывая, что у власть имущих было три чудовищных дракона, каждый размером с гору.

Несмотря на толщину стен и потолка, — добрых несколько футов камня, не меньше крепостных, — он всё равно улавливал доносящиеся снаружи крики матери и сестры. Оставалось лишь гадать, какими техниками эти серебровласые люди приручали драконов. Как им удавалось усмирять существ, способных играть слонами, будто тряпичными куклами? Один вид Балериона вызывал трепет — сама мысль о том, что нечто столь исполинское подчиняется созданию, которое по всем законам логики должно быть для него не крупнее муравья, не укладывалась в голове. Придётся расспросить его об этом, когда выберется отсюда.

Расправив крылья, он взмыл в воздух.

«Хвала богам за ночное зрение» — промелькнула мысль.

В крошечной тьме камеры любые упражнения в полёте превратились бы в сущий кошмар. Радовала и длина цепи — её хватало на несколько минут свободного парения вдоль просторной камеры. Лишь когда он маневрировал между колоннами, обматывая их звеньями, цепь наконец натягивалась до предела.

Усталость давила на плечи.

Она навалилась вскоре после заточения, хотя причина оставалась загадкой. Не та привычная усталость, что приходит от недостатка сна или отдыха — нечто иное, словно он не высыпался, даже когда спал вдоволь.

Скрежет камня по камню привлёк его внимание к входу в камеру. Назвать это дверью язык не поворачивался — просто круглый валун, который отодвигали в сторону, чтобы попасть внутрь. Сощурившись, дракон наблюдал, как в щель медленно проникает свет. Он взмыл к потолку и прильнул к нему, точно гигантская летучая мышь.

Когда валун наконец откатали, в камеру вошли пятеро.

Четверо были облачены в чёрные доспехи. Трое держали по факелу в каждой руке, у четвёртого в руках были верёвки, привязанные к свинье и козе. От одного вида животных рот наполнился слюной, на языке уже чудился их вкус. Последней, возглавляя процессию, шла

женщина в тунике и штанах красно-чёрных цветов. Её волосы отливали серебром и золотом в свете факелов — он узнал в ней одну из двух всадниц, восседавших на Вхагаре.

Достигнув пространства между двумя колоннами, женщина обернулась к воину с животными и велела связать их вместе, после чего отпустить. Четверо стражников отступили на несколько шагов, оставив её одну. Она принялась осматривать камеру в поисках дракона. Когда она заговорила, в её речи слышался чужой язык, но, как ни странно, смысл оставался понятен, за исключением отдельных слов. Должно быть, это и был тот самый валирийский, о котором рассказывала мать.

— Где же ты, милый? — В её голосе звучала неподдельная нежность. Женщина погладила животных, словно дразня его обещанием пищи. — Где ты прячешься?

Он не шелохнулся, оставаясь в своём тёмном убежище. Один из стражников попытался убедить её уйти и позволить дракону поступать как вздумается, но она лишь покачала головой и вновь позвала:

— Почему ты не доверяешь мне? Я — всадница твоей матери, мы связаны на всю жизнь! Её чувства — мои, а мои — её!

Дракон застыл неподвижно.

Спустя десять томительных минут женщина сдалась и направилась к выходу. Однако, прежде чем уйти, она оставила один из факелов на земле рядом с животными. Она не узнала, но он остался благодарен за этот жест, хотя и тосковал по нормальному свету.

После того как валун вернули на место, дракон спикировал к связанным животным. Коза в ужасе дёрнулась, заметив внезапный порыв воздуха и тёмную фигуру, возникшую из мрака.

Короткая струя пламени оборвала жизни обеих тварей, заодно уничтожив верёвку — он ненавидел, когда что-то застревало в зубах. Насытившись подношением, дракон почувствовал прилив сил, но вскоре проклятая усталость вновь навалилась подобно чуме. Он попытался не обращать на неё внимания.

Утолив голод подношением, он растянулся возле факела, наслаждаясь его теплым светом, пока тот не погас, вновь погрузив камеру во тьму.

День за днём она возвращалась, принося сочные угощения, и каждый раз уходила разочарованной — дракон так и не спускался к ней.

Но однажды она разгадала его уловку и нашла цепь, тянущуюся к потолку. Когда она осторожно потянула за неё, дракон ответил недовольным клёкотом.

— Спустись, милый, — позвала она, но он даже не взглянул вниз. Женщина раздражённо фыркнула и вновь удалилась. Когда она вернулась в следующий раз, то пришла одна. В правой руке она держала факел, в левой — поводок, к которому были привязаны две откормленные свиньи.

Достигнув привычного места, где обычно оставляли подношения, она не стала следовать обыденному ритуалу. Вместо этого женщина опустилась на пол и замерла в ожидании. Дракон мгновенно понял её замысел — она решила взять его измором.

Тяжело вздохнув, он осознал горькую истину: можно сколько угодно игнорировать её, но они не оставят его в покое. Придётся уступить, хотя бы в этом.

Отпустив каменный потолок, он медленно спланировал вниз. Женщина повернула голову на звук взмахов крыльев, но пока не могла разглядеть его во мраке. Дракон приземлился на самой границе освещённого пространства, застыв на пороге света и тьмы, наблюдая за ней.

Её фиалковые глаза пронзали темноту, манили своей нежностью. Медленно, позволяя цепи волочиться по полу с тихим шорохом, он приблизился.

— Я вижу тебя, сладкий, — прошептала она, поднимая факел выше. Свет озарил его тело; белая чешуя засверкала драгоценными камнями, а золотые крылья отразили пламя, словно зеркала. С её губ сорвался восхищённый вздох, и, что греха таить, это польстило его самолюбию.

— Иди же, — поманила она, — отведай то, что я принесла тебе.

Женщина отступила в сторону, освобождая путь к хрюкающим свиньям, лоснящимся от жира. Он видел благоговение в её взгляде, когда бело-золотое пламя вырвалось из его пасти, доводя мясо до идеальной готовности.

Окинув её взглядом золотых глаз, дракон склонился над первой свиньёй. Рвал и терзал плоть в жутковатом ритме, обнажая кости. В отличие от юных времён, теперь он мог без труда разгрызать и их, осторожно высасывая божественный костный мозг. И тут чья-то рука легла ему на шею.

Первым порывом было развернуться и зарычать на женщину, но он подавил этот инстинкт. Вместо этого просто обернулся — она улыбнулась в ответ. Не осознавая происходящего, он начал тонуть в её фиалковых глазах; на краткий миг его окутало умиротворение, но он резко отпрянул, вырывая себя из этого наваждения.

«Что это было?» — промелькнула тревожная мысль.

Странное ощущение — будто погружаешься в мягкую постель, позволяя ей поглотить себя.

Теперь он остерегался. Больше не станет смотреть ей в глаза.

Продолжая трапезу, дракон терпел её прикосновения. Он отчётливо понимал: для этой женщины и её семьи они всего лишь животные. Всё происходящее не отличалось от поглаживания собаки или лошади во время еды.

Пока что он позволял это. Было что-то до боли знакомое в прикосновениях женской ладони. Где-то на задворках сознания мелькал образ — кто-то важный из прошлой жизни. Имя ускользало, но он помнил, что эта женщина значила для него многое. Супруга? Родственница? Память отказывалась отвечать.

Он не смирится с участью животного, никогда не позволит себе пасть так низко. Он — существо независимое, но... пока что терпит такое обращение. До поры до времени.

<http://tl.rulate.ru/book/122444/5157021>